

УДК-93/99

Матвеев Владимир Александрович

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Отечественной
истории XX–XXI вв. (базовой
кафедры ЮНЦ РАН) Института
истории и международных
отношений ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»
(г. Ростов-на-Дону)

**О ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЙ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ДОСТОВЕРНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

Аннотация:

Представляемый фрагмент исследования воспроизводит кодифицированные отображения реальности формирования русской (восточнославянской) оседлости на Кавказе и иных южных ареалах государственного пространства. На конкретных примерах обосновывается необходимость соблюдения точности в передаче конкретизирующих процесс и состояния связанных с ним трансформаций обозначений. От употребляемых понятий, по утверждению автора, зависит достоверность исторических реконструкций. Подмена существовавших в эпохальном контексте емких определений неизбежно ведет к искаженному воспроизведению прошлого. Форматы таких систематизаций обретают разрушительные свойства и ведут к дезинтеграции складывавшихся сообществ.

Matveev Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor
of the Department of Russian
History of the XX–XXI Centuries
(the base department of SSC RAS),
the Institute of History and
International Relations, Southern
Federal University (Rostov-on-Don)

**ON THE ROLE OF CONCEPTS
IN ENSURING RELIABLE
HISTORICAL RECONSTRUCTIONS**

Abstract:

The study reproduces codified representations of reality having to do with the formation of Russian (East Slavic) sedimentation in the Caucasus and other southern state areas. Specific examples are used to substantiate the need to observe the accuracy in transferring the notions specifying the process and state of the transformations associated with it. The author claims that the reliability of historical reconstructions depends on the concepts being used. Substituting capacious definitions that existed in the epoch-making context inevitably leads to a distorted reproduction of the past. The formats of such systematizations become destructive and lead to the disintegration of emerging communities. The article traces these consequences by looking into the disintegration of the Russian Slavs. In this case, the systematization of facts is based on the ethno-national

В статье данные последствия прослеживаются по произошедшей дезинтеграции русских славян. Систематизация фактов в ней основывается на этнонациологическом подходе, предполагающем учет уровней консолидации и сохранявшихся не завершившихся переходов. Складывание согражданства в Российской империи к 1917 г. не обрело завершенности. Сочетание альтернатив наблюдалось и в консолидации восточнославянского сообщества. При наличии дифференцированной, но сродной основы, оно превращалось в этнонацию, нуждающуюся, по мнению автора, в федерализации связей.

Ключевые слова:

восточнославянское сообщество, конкретизации реальности, исторические реконструкции, понятия как кодификаторы, этнические и национальные уровни консолидации, русские славяне, согражданство и федерализация связей.

approach, which involves keeping track of the levels of consolidation and remaining uncompleted transitions. Cocitizenship has not been formed yet in the Russian Empire by 1917. A combination of alternatives was also observed in the consolidation of the East Slavic community. With a differentiated, yet akin foundation, it turned into the ethno-nation, which, as the author believes, needed federalized connections.

Keywords:

East Slavic community, concretization of reality, historical reconstructions, concepts as codifiers, ethnic and national levels of consolidation, Russian Slavs, cocitizenship and the federalization of connections.

Консолидация русских славян¹ до наступивших в условиях революционного кризиса и гражданской войны 1917–1921 гг. перемен развивалась с направленностью складывания этнонации, но при сохранении внутренних различий, предполагавших федерализацию связей. Исчезновения дифференцированности, как в ряде стран Европы, при развитии таких же процессов в среде сохранявших общность ответвлений не происходило. Проведение любых преобразований в Российской империи предполагало закрепление

¹ Данное идентификационное обозначение имело распространение во второй половине XIX – начале XX вв. Употреблялось оно на всемирных конгрессах славян, а также в исследованиях различных представителей отечественной исторической науки того периода.

федерализации, что соответствовало в полной мере и складывавшемуся историческому коду. Составной частью, не имевшей одного измерения русской идеи, являлось сохранение субэтнических различий, складыванием которых сопровождалось, в том числе, закрепление восточнославянской оседлости на окраинах государства.

Каждая из вариаций являлась уникальным достоянием, воплощавшим местную специфику. В исследовательской практике между тем используются до сих пор понятия, вошедшие в оборот в советский период развития отечественной науки. Заимствование же их произошло из опыта ряда европейских стран и обобщавшей его публицистики. Основывавшиеся на националистических критериях положения в свои статьи и брошюры включали В.И. Ленин [1], И.В. Сталин [2], Л.Д. Троцкий [3] и другие разработчики большевистской доктрины. Под их влиянием составлялась и программа государственного переустройства России. Однако взятая за образец теория марксизма в сочетании с данными европейской этнологии второй половины XIX – начала XX вв. особенности ее не отображали. Восточнославянское сообщество при проведении преобразований уже в начале советской эпохи подверглось сегментации.

Осуществлялась же она по субэтническим признакам. На этом уровне также происходят самоотождествления с народом. Но в таком единстве воспринималось в среде восточных славян и все этническое сообщество, несмотря на существовавшие внутренние различия. Наряду с другими публицистами, вопреки сложившимся отечественным реалиям, подмену идентификационных обозначений одним из первых стал допускать и В.И. Ленин. В книге «Развитие капитализма в России», опубликованной в 1899 г., он использовал понятия, употреблявшиеся в практическом обиходе. Так, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии в соответствии с ним он помечал исключительно как «южно-русские» [4, с. 61]. Их тогда В.И. Ленин еще не противопоставлял центральным субъектам в качестве ареалов, на которые якобы распространяемо причисление к территории Украины. Для обозначения пространства им использовалась употреблявшаяся в действительности конкретизация «Новороссия» [4, с. 66].

К Украине данный ареал привязывался в соответствии с мифологизированным восприятием, не имевшим совпадения с тем, что было на самом деле. Бытовало оно и в народной среде. При сохранении восточнославянского единства несоответствия действительности в восприятии сложившейся идентификационной специфики какого-либо значения не имели. Однако при возникавших потребностях составления программ с соответствующим уклоном фальсификации произвольно стали вноситься в теоретические обоснования, использовавшиеся впоследствии для национального разделения восточнославянского сообщества. Население южных субъектов между тем в преобладающей степени относило себя только к русскому народу. Объективные наблюдения проясняли наличие именно такой идентичности во всех зонах смешанной восточнославянской колонизации.

На основе проводившихся переписей и различных статистических материалов воспроизводил ее и В.И. Ленин. Не употреблялось в его публицистике в конце XIX в. и наименование «украинцы». Появляется оно в статьях В.И. Ленина несколько позже. В этом прослеживается, безусловно, изменение в восприятии. В конце XIX в. субэтническая идентификация «малороссы» имела еще преобладающее распространение. Употреблялась она и в специализированных научных описаниях [5, с. 135], в которых выдерживалось условие необходимости точности передачи. Причем составителей невозможно заподозрить в предвзятости и некорректности.

В обобщавшем статистические сведения труде «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин передал, например, такие сведения о процессе переселения: «Из рабочих, приходивших в Херсонскую губернию, 7/10 идут пешком, не имея средств на покупку ж.-д. билетов» [4, с. 237]. Описания в специальной литературе, на которую он опирался, отображали и то, что вынужденные уходить в южные субъекты страны «бредут за сотни и тысячи верст вдоль полотна железных дорог и берегов судоходных рек». В примечаниях к изложенным фактам воспроизводилось следующее уточнение: «Деньги на дорогу добываются продажей имущества, даже пожитков, закладом наделной земли, залогом вещей, одежды и пр., даже займом денег под отработки... у священников, помещиков и местных кулаков» [4, с. 237]. Среди перемещавшихся были и сезонные рабочие, спешившие «наняться на жатву и молотьбу» [4, с. 239].

Преобладающая же часть тех, кто покидал обжитые места, обратно не возвращались. За счет их также возрастала представленность русской оседлости на окраинах. Как заметно из изложенных выдержек работы «Развитие капитализма в России», в тех случаях, когда В.И. Ленин опирался на специальные публикации с отображенными в них конкретными фактами, в его описаниях воспроизводилась реальность. В последующих же оценках возобладали идеологические абстракции, предполагавшие лишь повторяющееся с редакционными видоизменениями сюжетное наполнение. В соответствии с используемыми схемами «переселение из России» в интерпретации В.И. Ленина производилось якобы «во славу... националистического принципа “русификации окраин”» [6, с. 330].

На ее осуществление, по его утверждению, «правительство и контрреволюционные партии возлагали... большие надежды», так как исход крестьян из центральных и юго-западных субъектов мог «значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос». Выделялось В.И. Лениным и то, что переселение на окраины рекламировалось и поощрялось в связи с приближением «крестьянского движения в Европейской России» [6, с. 325]. Рассматривалось же оно как предвестник революции, в ходе которой по представлению В.И. Ленина, разрешатся все существующие проблемы. Его взгляды впоследствии придали иную направленность в восприятии явления русской колонизации.

Наименование «украинцы» в отечественной публицистике стало наиболее широко отображаться лишь с 1905 г. Тогда же оно используется и при описании более ранних периодов, что нарушало достоверность исторических реконструкций. До отмеченного рубежа «украинцами» называли, как правило, участников кружков с соответствующей направленностью. Под влиянием происходивших в ряде европейских стран процессов складывания наций обозначение в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи, как можно судить по последствиям, тем не менее, постепенно воспринималось.

Внедрением в сознание масс разделяющей этническое сообщество мифологии занимались создававшиеся для этого группы. Немалая часть населения Галиции по-прежнему, так или иначе, в начале XX в. еще считала себя

русским. Однако для сохранения данного исторического результата почти ничего не предпринималось. Противодействие опиралось лишь на частные инициативы. Националистически же настроенные активисты в Галиции наращивали масштабы своей деятельности. Их пропаганда о существовании «украинского народа и языка» проникала на правобережье и левобережье Днепра.

Отображением того, как происходило насаждение соответствующих представлений, являются, например, справочные сведения ко второму тому собрания сочинений историка М.П. Драгоманова с «биографическим очерком» и комментариями. Издание осуществлено в 1906 г. редакцией «Освобождение» в Париже «по инициативе и на средства» оказавшихся в эмиграции «украинцев-демократов». Составитель предисловия причастность к написанию пометил лишь инициалами «Б. К.» [7, с. VIII]. Однако по другим сопроводительным приложениям к произведениям М.П. Драгоманова можно сделать вывод, что авторство принадлежит Б.А. Кистяковскому, одному из участников движения за признание украинской идентичности.

В предисловии сообщалось, что в «издание вошли все политические сочинения» известного историка, «написанные за границей по-русски», и переводы публикаций с других языков. Среди них выделены не только итальянский и французский, но также польский с украинским [7, с. VIII]. Между тем в статьях и брошюрах М.П. Драгоманов во второй половине XIX в. использовал преимущественно русский язык. Украинские тенденции ему стали присваиваться только в начале XX в. Неслучайно намеривавшийся представить в биографический очерк наброски П.Б. Струве, исходя из своей осведомленности о взглядах ученого, по утверждению Б.А. Кистяковского, обещал охарактеризовать его «как общерусского политического писателя и деятеля» [7, с. VIII].

Вследствие того, что «более неотложные литературные и публицистические работы помешали П.Б. Струве» выполнить данное обещание, в написанном Б.А. Кистяковским биографическом очерке к изданию 1906 г. информация о М.П. Драгоманове содержала сведения о нем как «об украинце» [7, с. VIII]. На самом деле он являлся последовательным сторонником сохранения единства русских славян. Закрепление же его с учетом субэтнических нестыковок ученый предлагал произвести на основе федерализации

сообщества с выделением областных автономий. Излагалось в биографическом очерке Б.А. Кистяковского и предположение, что М.П. Драгоманов использовал якобы русский язык для оформления результатов исследований с целью преодоления цензурных препятствий. Однако публикация за границей, как заметно по изложению в биографическом очерке, осуществлялась и на других языках.

Тем не менее, и в эмиграции М.П. Драгоманов писал преимущественно на русском языке. Опирался он и на типичные для второй половины XIX в. понятия. Среди распространенных тогда идентификационных обозначений М.П. Драгоманов употреблял наименование «малороссы». Отождествление «украинцы», как можно проследить по его статьям и брошюрам, соотносилось с активистами кружков, но не имело распространения в народной среде. Несмотря на это, пропагандой оно целенаправленно насаждалось. Подтверждением этому может, в частности, служить такое редакционное примечание: «Австро-русские воспоминания 1867–1877 гг. М. Драгоманова... везде», по сделанному пояснению, в издании названы «Австро-украинскими воспоминаниями». В нем утверждалось, что это необходимо «во избежание недоразумений» [7, с. IX]. Однако данная подмена являлась и тогда прямым нарушением авторского права. Воспоминания сам М.П. Драгоманов озаглавил как «Австро-русские». Публикация их состоялась во Львове в 1889–1892 гг. [7, с. IX].

По предисловию же Б.А. Кистяковского прослеживается, вместе с тем, состояние переходности в субэтнической среде малороссов. Присваивая ей классификацию «национальной», составитель со всей определенностью указал на наличие «украинцев», хотя данное отождествление в среде самого населения широкого распространения не имело [7, с. XIII]. При этом приписываемая идентичность в биографическом очерке переносилась с нарушением принципа историзма и на более ранние периоды, когда даже Т.Г. Шевченко, творческое наследие которого использовалось для взлома кода восточнославянской общности, в своих произведениях обозначение «украинцы и украинский народ» не использовал. Указывая на «нетерпимость поляков», Б.А. Кистяковский, тем не менее отмечает, что она проявлялась «относительно русских» [7, с. XIII].

Сталкиваясь с подобными настроениями восточнославянское население могло только в губерниях Юго-западного края, преимущественно

на правобережье Днепра. Еще в более острых формах «нетерпимость поляков... относительно русских» имела распространение в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. В начале XX в., и особенно под воздействием кризисных обстоятельств революционного периода, идентификационное обозначение «украинцы» входило в оборот. Между тем и тогда применение его наблюдалось в весьма ограниченных параметрах. Насаждение при помощи пропагандистского воздействия осуществляли сторонники разобщения русских славян. Воспринимал украинский проект и Б.А. Кистяковский.

В Российской империи противодействие осуществлялось по линии ограничительного реагирования жандармерии и полиции, а также структур управления. Усилия по отстаиванию общности восточных славян с опорой на мобилизацию интеллектуальных возможностей предпринимались лишь отдельными имевшими малороссийское происхождение деятелями культуры и представителями отечественной исторической науки. Официальной же поддержки они не получали. Ошибочно некоторых из них рассматривали даже в качестве сепаратистов. Постигла такая участь и М.П. Драгоманова. Между тем «политические... стремления» тех, кто отстаивал украинскую альтернативу, «были... очень разнообразны и даже не совсем ясны» [7, с. XIV]. При сопоставлении с фактами из объективной реальности они опровергались.

Использовавшиеся В.И. Лениным понятия заимствовались из европейских изданий, в которых в начале XX в. отображались, так или иначе, с оформленностью в ряде случаев в теории процессы завершения складывания национальных государств. Находясь длительное время в эмиграции, он, как и другие представители большевистской партийной элиты, по образному выражению русского философа И.А. Ильина, проходили «школу чужемыслия», веря «в силу лжи», и создавали вследствие этого доктрину, направленную «против справедливости» [8, с. 18–20]. Российская действительность без учета существовавшей специфики стала соотноситься с европейским опытом даже при том, что не имела с ним по многим показателям совпадения.

Отечественный имперский феномен не относился к разряду колониальных. Имея сопредельные иноэтнические территории, Россия превращалась

вследствие преобладавшего добровольного вхождения и проводившейся политики в отечество и для других входивших в ее состав народов. Она являлась империей континентального типа, в пределах которой складывалось полиэтническое согражданство. Увлеченность В.И. Ленина и других разработчиков большевистской доктрины отображавшей в значительной мере европейские реалии теорией марксизма как раз и привела к созданию программного проекта, содержавшего потенциал последующей дезинтеграции и разрушения государства.

С одной стороны, декларировалось то, что «националистические идеи... резко противоречат всему мировоззрению социал-демократии» [9, с. 73]. Вместе с тем, исходя из абсолютизовавшегося в марксизме классового измерения исторических перемен, предлагалось при их конструировании в период революции «заботиться о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности» [10, с. 36]. Намечавшиеся же в соответствии с программой РСДРП(б) подходы могли способствовать лишь сегментации восточнославянского сообщества с присвоением существовавшим субэтническим различиям статуса национальных.

В написанных после возвращения из эмиграции на родину в 1917 г. работах В.И. Ленин уже вполне конкретно рассматривал население «малороссийских губерний» в качестве отдельного народа, которому также должно быть предоставлено право на самоопределение вплоть до отделения. Идея объединившего Германию канцлера Отто фон Бисмарка о необходимости сегментации восточнославянского сообщества для ослабления геополитических и цивилизационных позиций России оказалась воплощенной в теорию, использованную впоследствии в переустройстве государства [11, с. 398]. Внедрение «украинского проекта» состоялось вследствие этого в советскую эпоху. Заимствования из европейских националистических теорий, в том числе и из марксизма, в достижении результата имели, на мой взгляд, немаловажное значение.

Поддержку на государственном уровне получило одно из не имевших исторической предопределенности для воплощения процессуальных состояний. Несмотря на наличие общерусской альтернативы, это и предопределило исход этнополитической трансформации. То, как именно происходило

насаждение представлений об особой украинской идентичности в советскую эпоху, прослеживается, в частности, по различным изданиям художественной литературы. Закрепился в советскую эпоху и миф о Т.Г. Шевченко, сочиненный когда-то в кружках сторонников ее насаждения. Отобразив существовавшее в имперский период восприятие на Украине, историки М.П. Драгоманов, Н.И. Костомаров обоснованно относили его к общерусским поэтам и писателям [12, с. 84], передававшим в своем творчестве местный «этнографизм». Подмена же формата восприятия субэтнической специфики прослеживается и по сопроводительному представлению других художественных произведений, отображавших между тем консолидированность и существовавшую неразделенность русских славян.

В поэме И.П. Котляревского «Энеида», три части которой были напечатаны в 1798 г., не содержалось, например, каких-либо упоминаний об «украинцах» [13], хотя употреблявшееся в действительности определение «малороссы» использовалось. При переизданиях ее в советскую эпоху везде, вопреки необходимости соблюдения точности передачи, в составлявшихся предисловиях обозначалась украинская идентичность, в историческом контексте распространения не имевшая. Допускавшиеся несоответствия реальности создавали в справочных сопроводениях иллюзию отдельности. В поэме И.П. Котляревский употребляет действительно использовавшиеся в народной среде идентификационные противопоставления с восприятием «мы – они».

Резкая этническая и религиозная разделенность выражена, например, в формулировке: «Чужой какой-то, басурманский» [13, с. 194]. При наличии некоторого сходства прослеживается она и в обозначении «лях», в другом фрагменте поэмы соотнесенная с весьма негативной оценкой: «Католик, мерзкий, лиходей... охальник, пьяница, мучитель» [13, с. 31]. Отобразившееся наряду с ним в тексте определение «москаль» воспроизводило, тем не менее, как можно судить по смысловому значению, состояние субэтнической специфики в общерусском контексте. В воспроизведении И.П. Котляревского наделенные народными качествами персонажи поэмы пели не только «казацьи, вольные, лихие» песни, но и кто «знал – московские, чудные» [13, с. 65]. Так в восточнославянском сообществе воспринимались отличавшиеся друг

от друга разговорные практики. Как «чудные» они рассматривались во всех субэтнических ответвлениях.

Но вместе с тем было и немало общего. На это указывает, в частности, отображенный И.П. Котляревским патриотический сюжет, составленный на основе наблюдавшихся идентификационных настроений в среде запорожского казачества: «Полтавский бой воспели с жаром» [13, с. 65]. Устранение внешних угроз в восточнославянском сообществе, таким образом, как заметно по его содержанию, осознавалось в качестве общего достижения. Сродным в великорусской среде воспринимался и язык произведения И.П. Котляревского. Об этом можно судить по посвящению к Петербургскому изданию 1808 г. Размещено оно было под названием «Любителям малороссийского слова» [14, с. 301]. Для таких аудиторий поэма читалась и в дальнейшем. Неоднократно она представлялась, например, в период 1821–1823 гг. на заседаниях Петербургского «Вольного общества любителей российской словесности» [14, с. 301].

В предисловиях к изданиям в советскую эпоху поэма И.П. Котляревского «Энеида» называется тем не менее уже «украинской» [15, с. 3]. Такая идентичность стала присваиваться и запорожскому казачеству, которое во второй половине XVIII в. и при переселении на Кубань считало себя по-прежнему русским. Фальсификацией является также утверждение автора предисловия к Харьковскому переизданию 1961 г. о том, что «читатели... и критики в образах троянцев, карфагенян, латинян увидели украинцев с их бытом, обычаями и общественными взаимоотношениями» [15, с. 4]. Производившаяся подмена понятий в советскую эпоху не в последнюю очередь способствовала насаждению соответствующих представлений о разделенности восточного славянства. За основу национальной идентификации между тем брались субэтнические особенности. В отечественной исторической науке широко использовались в тот период для подтверждения теоретических положений указания и на проводившуюся якобы политику «русификации» окраин.

Применялись они также к Кавказу, являвшемуся когда-то, наряду с другими южными ареалами, зоной смешанной восточнославянской колонизации. Какими-либо конкретными доказательствами данные утверждения не подкреплялись. В описания они и ранее заимствовались из отечественной

и зарубежной оппозиционной публицистики, в которой отображались лишь не основанные на подтверждениях фактами повторы содержащихся в ней критических интерпретаций. С наличием русской идентификации в восточнославянской среде исследователи неоднократно сталкивались при сборе соответствующих сведений не только в южных ареалах, где установилось существенное ее преобладание, но и на Кавказе.

Так, отображая результаты изучения восточнославянского населения в пределах Кабардино-Балкарии, проводившегося в конце XX в., исследовательница И.Х. Тхамокова вынуждена была неоднократно фиксировать сведения о том, что все оно считает себя русским. Собранные в экспедициях материалы со всей наглядностью проясняли существование именно такой реальности. При их проведении И.Х. Тхамокова замечала, что даже в селах и станицах, основанных, по употребленному ей в описании определению, «украинскими переселенцами», потомки их «считают себя русскими». Разделение же их культуры, как проясняли проводившиеся опросы населения, невозможно [16, с. 3].

Особые же состояния восточнославянской этносферы на окраинах государства, несмотря на различия, являлись частями целого, воспринимавшихся до революционного кризиса 1917 г. и связанных с ним трансформаций в формате единого русского народа. Такое осознание вопреки проводившейся политике в советскую эпоху с направленностью на закрепление разделенности по субэтническим признакам длительное время оставалось неискоренимым. По-прежнему находят последователей и версия о «русификации» [17]. Указывая на распространенность выделения общности восточнославянского населения, например, известный кавказовед Ю.Ю. Карпов отражавшее ее обозначение «великороссы... малороссы и белорусы» воспринимает как «факт великодержавности» [17, с. 354].

Между тем, употреблявшееся на практике определение данных субэтнических ответвлений в качестве «одного народа» официальным порождением отнюдь не являлось. Служебной перепиской воспроизводилось лишь то, что существовало в действительности. Наличие общности и различий в восточнославянском сообществе фиксировалось и в художественных произведениях, которые могут вполне служить для частичной их реконструкции.

Направлявшиеся в начале XX в. академические экспедиции на Кавказ выявляли отсутствие употребления русского языка в среде мусульманского населения. Несмотря на это, значительная его часть воспринимала Россию в качестве родины.

Владение официальным языком при посещении аулов обнаруживалось лишь у отдельных представителей администрации правлений. Зато участникам академических экспедиций приходилось сталкиваться, как отмечалось в докладах о результатах поездок, «с поразительными случаями распространения арабской грамотности и знания литературного арабского языка» даже в среде «нагорных дагестанцев» [18, с. 1386]. Представленные в отчете сведения о лингвистической ситуации на Кавказе этим не ограничивались. В них содержалось также указание на преобладавшее знание грузинского языка в закавказских селах, в которых проживали исповедовавшие христианство тушины. Сохраняя в целом вайнахскую этничность, они подверглись воздействию сопредельной культуры, что придало специфику их идентичности.

Лишь в отдельных случаях при нахождении в исповедовавших христианство обществах академические экспедиции, направлявшиеся на Кавказ, в начале XX в. фиксировали наличие населения «поголовно грамотного» [18, с. 1386]. Влияние на это оказывали, как можно судить по отчету, религиозные приверженности. Целенаправленная «русификация» в данном случае также не предпринималась. Кодификация же, при отсутствии знания русского языка в среде преобладающей части иноэтнического населения Кавказа, отображалась прежде всего в самосознании. Проявления ее в действительности происходили неравномерно. Тем не менее солидарное взаимодействие при возникновении для российской государственности кризисных обстоятельств оказывалось преобладающим.

В восточнославянской этнической среде дифференциация, вбивавшая местную специфику, сопровождалась появлением особых состояний кодификации. Однако русская идентичность при этом оставалась. При реализации большевистской программы, отражавший одно из существовавших в действительности процессуальных состояний, «украинский проект» получил государственную поддержку. Малороссы в соответствии с воспринятыми

пришедшей к власти элитой националистическими мифами провозглашаются, как заметил исследователь А.В. Марчуков, «особой национальностью». Из обоснований необходимости разделения идеологов сепаратизма заимствованным оказалось утверждение о вине России за допускаявшееся якобы ранее угнетение [19, с. 151].

Отражавшая национальную сегментацию восточнославянского этнического сообщества классификация, утвердившаяся под влиянием теоретических заблуждений и проводившейся на их основе политики в 20–30-е гг. XX в., сохранена и в разделе «Русское и украинское крестьянство в Новороссии». Создание же данного коллективного исторического труда вызывалось существующей потребностью воссоздания объективного восприятия специфики южных ареалов и ее проявлений [20, с. 189–193]. В нем также не устранена практика перенесения понятий, вошедших в оборот в советскую эпоху, на предшествующие периоды становления российской государственности, когда применялись иные конкретизации существовавших в восточнославянской среде субэтнических состояний.

Определение «малороссы», появившееся когда-то при создании для этой части восточнославянского населения особой митрополии, пропагандой представлено как унижительное и в таком смысле воспринимается до настоящего времени. Речь не идет, безусловно, о восстановлении его употребления. С появившейся в советскую эпоху реальностью национальной сегментации восточнославянского этнического сообщества необходимо считаться. Но использование для ретроспективных реконструкций понятий, сложившихся в более поздние периоды, нарушает достоверность обобщений и выводов. В качестве отдельных «наций» русские, украинцы и белорусы на государственном уровне стали выделяться вопреки наличию сродной этничности лишь в 20–30-е гг. XX в. Несмотря на прилагавшиеся усилия по их конструированию, осознание общности сохранялось и на последующих этапах [21].

В ареалах повышенной конфликтности самоотождествление восточнославянского населения по проявлявшемуся признаку этнической солидарности становилось даже преобладающим. Условия экстремальности обостряли и чувство общерусского патриотизма. Но это не нарушало обретенную

приспособленность к взаимодействию с иноэтническим населением, также превращавшимся в соотечественников. Появление такой реальности происходило не без противоречий. Применявшиеся подходы на окраинах отечественного Востока, в том числе и на Кавказе, тем не менее имели преобладавшую интеграционную направленность. Создание в тех случаях, когда это было возможно, благоприятной этносферы на периферии государства являлось одной из составляющих проводившейся политики. Результат достигался между тем с применением и других воздействий.

Формат же любого исторического процесса состоит из противоречий. Проявлялись они и при освоении Кавказа русскими переселенцами. Появление благоприятной этносферы, тем не менее способствовало соединению частей «единого отечества», хотя и не служило определяющим фактором сближения. Появление и поддержание динамического эффекта в развитии не только этнических, но и государственных общностей обеспечивается мировоззренческими воздействиями, осуществление которых в прошлом неоднократно осуществлялось с использованием религиозных учений. Возможно оно, как показывает опыт, и при помощи той или иной организации исторических знаний. На данной основе происходит мобилизация общностей на созидание, великие свершения или разрушение. Достоверность же ретроспективных реконструкций не в последнюю очередь зависит, как показывает проведенный анализ, от точности употребления сложившихся понятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1989. – 557 с.
2. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 2. 1907–1913. – М. : ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.
3. Троцкий Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1971. – 792 с.

5. Бехтерев В. Гипноз. Внушение. Терапия / В. Бехтерев. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2019. – 416 с.
6. Ленин В. И. Переселенческий вопрос / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 21. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – С. 325–336.
7. Предисловие ко второму тому Б. К. // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова. С биографическим очерком... Печатается по инициативе и на средства украинцев-демократов. Т. II. – Париж : Освобождение, 1906. – С. VII–LIX.
8. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : Сочинения / И. А. Ильин. – М. : Эксмо, 2008. – 912 с.
9. Ленин В. И. К европейским рабочим / В. И. Ленин // Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике. – М. : Политиздат, 1989. – С. 72–74.
10. Ленин В. И. О манифесте «Союза армянских социал-демократов» / В. И. Ленин // Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике. – М. : Политиздат, 1989. – С. 34–37.
11. Голушко Н. М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 2 / Н. М. Голушко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Интербук-бизнес, 2014. – 412 с.
12. Драгоманов М. П. Восточная политика Германии и обрусение / М. П. Драгоманов // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины / под ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. – М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – С. 1–216.
13. Котляревский И. П. Энеида / И. П. Котляревский ; пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – 302 с.
14. И.П. Котляревский. (Биографическая справка) // Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – С. 300–302.
15. Вольнский П. К. Поэма, оваянная немеркнувшей славой / П. К. Вольнский // Котляревский И. П. Энеида / пер. с укр. К. Худенского. – Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961. – С. 3–8.
16. Тхамокова И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии / И. Х. Тхамокова. – Нальчик : Эль-Фа, 2000. – 237 с.
17. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. – 400 с.
18. Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Доклад в заседании Отделения Историко-Филологических Наук 12 октября 1916 г. / Н. Я. Марр // Известия Императорской Академии наук. – 1916. – С. 1379–1408.

19. Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты / А. В. Марчуков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 591 с.

20. Истомина Э. Г. Русское и украинское крестьянство в Новороссии / Э. Г. Истомина // История Новороссии / отв. ред. В. Н. Захаров ; Рос. ист. об-во ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 854 с. – С. 189–192.

21. Бузина О. А. Тайная история Украины-Руси / О. А. Бузина. – М. : Эксмо, 2016. – 448 с.

REFERENCES

1. Lenin V. I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow, Politizdat, 1989. 557 p.

2. Stalin I. V. *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the National Issue]. Writings, vol. 2, 1907–1913. Moscow, OGIZ. State Political Literature Publishing House, 1946. Pp. 290–367.

3. Trotsky L. D. *K istorii russkoj revoljucii* [On the History of the Russian Revolution]. Moscow, Politizdat, 1990. 447 p.

4. Lenin V. I. *Razvitie kapitalizma v Rossii. Process obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoj promyshlennosti* [The development of Capitalism in Russia. The Process of the Formation of the Domestic Market for Large-scale Industry]. Complete collection. Moscow, Political Literature Publishing House, 1971, vol. 3. 792 p.

5. Bekhterev V. *Gipnoz. Vnushenie. Terapiya* [Hypnosis. Suggestion. Therapy]. Moscow, Knigovek Book Club, 2019. 416 p.

6. Lenin V. I. *Pereselencheskiy vopros* [The resettlement Issue]. Complete collection. Moscow, Political Literature Publishing House, 1968, vol. 21. Pp. 325–336.

7. *Sobranie politicheskikh sochineniy M.P. Dragomanova* [Collection of political works of M.P. Dragomanov]. Paris, "Liberation" Editorial, 1906, vol. II. Pp. VII–LIX.

8. Ilyin I. A. *Pochemu my verim v Rossiyu: Sochineniya* [Why we believe in Russia: Writings]. Moscow, Eksmo, 2008. 912 p.

9. Lenin V.I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow, Politizdat, 1989. Pp. 72–74.

10. Lenin V.I. *O nacional'nom voprose i nacional'noy politike* [On the National Issue and National Policy]. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 34–37.

11. Golushko N. M. *KGB Ukrainy. Poslednij predsedatel'* [Ukrainian KGB. The Last Chairman]. Moscow, Interbuk-business, 2014. 412 p.

12. Dragomanov M. P. *Vostochnaya politika Germanii i obrusenie. Politicheskie sochineniya* [German Eastern Policy and Russification. Political Writings]. Moscow, I.D. Sytin Comradeship Typography, 1907. Pp. 1–216.

13. Kotlyarevsky I. P. *Eneida* [Aeneid]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. 302 p.
14. Kotlyarevsky I. P. *Eneida* [Aeneid]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. P. 300–302.
15. Volynskiy P. K. *Poema, ovejannaya nemerknushhey slavoy* [Poem Covered with Unfading Glory]. Kharkov, Kharkov Publishing House, 1961. Pp. 3–8.
16. Thamokova I. Kh. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and Ukrainian Population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, “El-Fa” Publishing Center, 2000. 237 p.
17. Karpov Yu. Yu. *Nacional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evoljuciya problem i resheniy* [The National Policy of the Soviet State in the North Caucasus Periphery in the 20-30s of the XX Century: the Evolution of Problems and Solutions. Saint Petersburg, Saint Petersburg Oriental Studies, 2017. 400 p.
18. Marr N. Ya. On the history of the movement of Japhetic peoples from the south to the north of the Caucasus. Report presented at a meeting of the Department of Historical and Philological Sciences, October 12, 1916. *Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk = Proceedings of the Imperial Academy of Sciences*, 1916, pp. 1379-1408.
19. Marchukov A. V. *Ukrainskoe nacional'noe dvizhenie. USSR. 1920–1930-e gody. Tseli, metody, rezul'taty* [Ukrainian National Movement. USSR. 1920–1930s. Goals, Methods, Results]. Moscow, LLC Tsentrpoligraf Publishing House, 2015. 591 p.
20. Istomina E. G. *Russkoe i ukrainskoe krest'janstvo v Novorossii* [Russian and Ukrainian peasantry in Novorossia]. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives, 2017. Pp. 189–192.
21. Buzina O. A. *Tajnaya istoriya Ukrainy-Rusi* [The Secret History of Ukraine-Rus]. Moscow, Eksmo, 2016. 448 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев В. А. О значении понятий в обеспечении достоверности исторических реконструкций / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 80–97.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. On the Role of Concepts in Ensuring Reliable Historical Reconstructions / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 80–97. (In Russian).